

Суд

Автор SlutWriter

Она окинула взглядом собравшихся. В зале находилось два десятка важных мужчин, включая главу отдела женского воспитания, комиссара по правде и министра по женским законам. (Женские законы - это, понятно, законы, которые распространялись только на женщин, но мужчины могли их игнорировать). Улыбка Шеннон была абсолютно железной и натянутой настолько, что казалось, зубы сломаются, а губы порвутся. Она видела три или четыре головы, склоненные к промежности мужчин в костюмах, когда их члены сосали практикантки, другие женщины сидели неподалеку, чтобы их огромные сиськи и большие задницы можно было лапать, отражая ту же самую извращенную, немигающую ухмылку. Все лица одинаковые, на одного мужчину всегда приходилось не менее одной женщины.

"Доброе утро, господа", - начала Шеннон, раскладывая веером свои бумаги на подиуме.

"Приступай к делу, ты, тупой спермоприёмник", - сразу же сказал мужчина средних лет в первом ряду. "У тебя лицо в сыре от члена, и ты выглядишь так, будто тебя уже пять раз изнасиловали сегодня утром". Он запустил руку в волосы 18-летней стажерки и душил ее почти до потери сознания своим толстым и длинным членом, торчащим из ширинки брюк.

"Да, сэр", - сказала Шеннон. То, что с ней разговаривали подобным образом на рабочем месте, было частью ее работы. Сексуальные домогательства были не просто разрешены в офисах OFC, они были почти обязательны. Ее обычно хватали за задницу десятки раз в день, поручали делать минет и приносить кофе (несмотря на то, что она была более квалифицированной, чем большинство мужчин, когда речь шла об анализе данных наблюдения) и называли тупой пиздой. Она перевела дыхание и начала читать список ключевых пунктов дневного отчета.

"Получен окончательный анализ жизнеспособности женских животноводческих предприятий", - прочитала она. "Несколько пилотных программ, осуществляемых в настоящее время на Среднем Западе, показали перспективность использования в качестве дойных коров не прошедших реабилитацию, не отвечающих требованиям женщин и женщин-преступниц. Отчет с более подробной информацией находится в архиве".

Она переложила бумагу и пошла дальше. "Был проведен рейд по дому, в котором семь женщин-диссиденток отключили или саботировали камеры наблюдения, чтобы здание выглядело необитаемым. Внутри не отвечающие требованиям женщины были одеты с недостаточной нескромностью и устроили "вечеринку по случаю просмотра" запрещенного старого фильма "Чудо-женщина". Комиссия по установлению истины опубликовала список из более тысячи новых ограничений на старые СМИ. Всем жителям будет разослан бюллетень, в котором дается две недели на то, чтобы избавиться от любых оскорбительных материалов".

В комнате находился Джон Зиг, беловолосый глава OFC. Это был худой человек с самым жестким и холодным взглядом, который Шеннон когда-либо видел. Теперь он заговорил. "Доведите до сведения всех телеканалов и новостных программ, что этих женщин следует называть террористической ячейкой. Все программы должны подготовить репортажи о том, что в жилище находилось большое количество самодельной взрывчатки, которую женщины намеревались использовать в начальных школах и больницах. Связать просмотр запрещенных старых СМИ с насильственным и девиантным поведением. Отдел мистера Партриджа разработает соответствующие тезисы для всех телеканалов".

"Да, сэр", - ответила Шеннон, записывая на бумаге его заметки. После совещания она должна

была передать их руководителям соответствующих отделов. Сделав это, она продолжила.

"Речевая аналитика показывает, что кампания мистера Партриджа приносит результаты, и женщины все чаще используют слово "киска" для обозначения любого отверстия в теле и "изнасилование" для обозначения любого сексуального акта. Данные опросов показывают, что эти термины, как и прогнозировалось, способствуют возникновению чувства беспомощности и рецепции в крупных городских районах, причем уровень их использования составляет сорок процентов, а в сельских районах этот показатель ниже".

"Это все еще слишком медленно", - ворчал Зиг. "Сообщите командам по проверке телеканалов, что главные героини женских теледрам должны называть сексуальные акты "изнасилованием", а их рты - "кисками". Предложите выплату для любого СМИ, которое выполнит квоту, из дискреционного фонда Министерства финансов по культуре".

"Да, сэр", - сказала Шеннон и продолжила делать пометки. "Идем дальше: вчера рано вечером на камерах был зафиксирован инцидент, связанный с несоблюдением правил физического воспитания", - сказала она, и в ее записях появился прикрепленный видеофайл. Рядом с ней находился ноутбук с видеосвязью с большим обзорным экраном конференц-зала, на который в порядке очереди выводились все соответствующие медиафайлы.

Она включила экран, и на нем появилось размытое черно-белое изображение. На нем наглый молодой человек, возможно, не старше 18-19 лет, приставал к женщине. Женщина была брюнеткой, лет двадцати с небольшим, с волосами до шеи, с тонкой фигурой, но с большими сиськами, демонстрирующими значительное декольте. Мужчина вел себя очень агрессивно, лапал ее, притягивал к себе, мял руками ее большую грудь, лизал шею и шептал на ухо. Глаза Шеннон сузились. В этой женщине было что-то знакомое. Камера с датчиком движения увеличила изображение. Мужчина что-то сказал. Женщина что-то ответила. На секунду показалось, что они разговаривают. Мужчина неуклюже потянулся руками к ее юбке и задрал ее, обнажив зад. Женская сумочка упала на землю, что-то выкатилось и упало в решетку ливневки - похоже, смартфон или планшетное устройство.

«Селия», вдруг подумала Шеннон. Селия вчера потеряла свой телефон.

Женщина оживилась. Мужчина растерялся... но затем потянулся вперед, чтобы снова схватить ее за грудь. И тут это произошло. Женщина подняла руку и ударила молодого, подтянутого мужчину прямо по яйцам. Он катался по полу, держась за пах, а она рысью убежала. Мужчины в зале, наблюдавшие за происходящим, были поражены.

"Вот сука-террористка!" - кричал один из них.

"Почему у нас нет лучшего ракурса, чем этот?" немедленно рявкнул Зиг. Он оглядел остальных мужчин в комнате. "На таком расстоянии..."

Женщина стала приближаться к камере, двигаясь по улице. Изображение все еще было размытым и нечетким, но можно было почти разобрать ее личность. Сердце Шеннон забило с бешеной скоростью, и она чуть не потеряла женское лицо, надеясь, что каким-то чудом личность женщины не будет раскрыта. Она узнала место, где произошел инцидент, - переулок за FPD, или диспансером женских товаров, ближайший к дому, в котором жили она, Селия, Кайли и Лео. Ее сердце колотилось, и она изо всех сил старалась успокоиться. Более новые камеры, такие, как установленные в штаб-квартире OFC, имели инфракрасную подсветку и могли определять отклонения в настроении.

Ролик подошел к концу, когда женщина свернула на боковую улочку, и в последний раз

мелькнула часть ее лица, частично скрытая волосами. В комнате уже не было слышно ни одного минета, оскорбление привлекло внимание всех присутствующих мужчин. "Это безобразие", - рявкнул Зиг и снова огляделся по сторонам. "Мистер Кейн, что по этому поводу говорит Министерство по надзору? Почему нет других видеозаписей или альтернативных ракурсов?"

Нервно выглядевший мистер Кейн, черноволосый, в очках, ответил сдержанно. "Похоже, что несколько камер были отключены для технического обслуживания", - пояснил он. "Это была старая модель, которую должны были заменить".

"Беспилотники?" рявкнул Зиг.

"Ни один не работал в этом районе в указанное время".

"Спутник?"

"Слишком много облаков и смога. Спутниковая сеть уже несколько месяцев практически бесполезна для нашего отдела в районе метро, это было в моем отчете..."

"Черт побери!" воскликнул Зиг и одной рукой хлопнул по столу. "Я хочу, чтобы эту женщину нашли. Немедленно. И когда она будет найдена, ее следует подвергнуть самому суровому перевоспитанию. Ее перевоспитание и результаты будут сняты на видео в назидание массам".

Шеннон сохраняла улыбку на своем кукольном личике, наблюдая за общением между мужчинами. Ударить мужчину по яйцам считалось верхом бесчестности. Яйца были символом мужской силы. Порнография была государственным предприятием, строго контролировалась, и сцены поклонения яйцам были одними из самых популярных у мужчин, что означало, что они были обязательны для просмотра и женщинам. Женщин учили, что вылизывание потных, грязных яиц - одна из их главных целей в жизни. Шеннон провела много ночей, просто посасывая и облизывая яйца своего извращенного брата Лео. Самый низкий, щупающий свои яйца мужчина пользовался большим уважением, чем даже самая умная и талантливая женщина. Так что же, бить их? Нанести потенциальный ущерб этим священным яйцам? По мнению руководителей OFC, это было вопиющим преступлением!

Голоса в комнате начали нарастать, мужчины переговаривались между собой. Шеннон продолжала улыбаться своей безмозглой улыбкой.

«О, Селия - подумала она, - что же ты наделала?»

"Привет!" бодро позвала Кайли, помахав рукой, когда дверь открылась, чтобы пропустить нового клиента - мощного атлетически сложенного мужчину с черными волосами лет двадцати. Добро пожаловать в "Удовлетворение!". Она стояла в наряде горничной за стойкой регистрации и приветствовала клиентов. Хозяин заведения, мистер Филлипс, любил приглашать на работу рыжеволосую Кайли, потому что ее женское лицо было таким настоящим, и он никогда не жаловался на ее работу. Сегодняшний день ничем не отличался от предыдущих: по тому, как светились ее голубые глаза под рыжими волосами и пышными, растрепанными косичками-звездочками, никто и подумать не мог, что она неискренна.

Кайли любила секс и желала его настолько, что при виде любого мужчины у нее начиналось головокружение. Поэтому она была идеальным работником для заведения, где мужчины получали облегчение, - ресторана, бара и спа-салона, куда мужчины со средствами могли прийти, чтобы получить любую разрядку. Хотя, конечно, любая женщина была доступна любому мужчине, иногда логистика таких связей не срабатывала - если женщина была

уставшей, больной или уже использованной, это могло привести к не слишком удачному сексуальному контакту. Поэтому, несмотря на беспрепятственный доступ к профессионалам, мужчины все равно испытывали потребность в них.

"Вы будете сегодня ужинать или пользоваться нашим спа-салонем?" - спросила Кайли, выжидательно глядя на мужчину.

"Спа", - сразу же ответил он, подойдя к стойке администратора. На нем была рубашка на пуговицах и брюки, но без пиджака, рукава облегли его руки. Молодой бизнесмен, у которого есть деньги и время для развлечения. Кайли подмигнула и хихикнула. Он был довольно симпатичным и, похоже, готов был быстро приступить к делу.

"Может быть, мне рассказать вам о наших пакетах услуг? Кайли щебетала, соблазнительно наклоняясь вперед и прижимаясь талией к столу, демонстрируя большое декольте в наряде горничной с бантом спереди. Ее большие соски были отчетливо видны сквозь ткань. "Я уверена, что мы сможем найти что-нибудь, что вам понравится".

"Конечно".

"Сто долларов за изнасилование горла и чистку члена", - сказала Кайли, подмигивая. "Еще сто долларов за мытье тела и мытье груди. А если выберешь девушку, у которой есть для этого приспособления, то можешь заплатить сотню за то, чтобы трахнуть ее сиськи".

"Такая девушка, как ты?" - спросил мужчина, ухмыляясь, и Кайли хихикнула.

"О, вы заставляете меня краснеть!" - защебетала она, приложив руку ко рту.

"А если я буду более агрессивным?" - продолжил мужчина. В его глазах был темный, опасный сексуальный жар, от которого у Кайли затрепетало в животе.

"Ммм...", - простонала она. "Ну, я уверен, что смогу вас удовлетворить... но если потребуются медицинская помощь, то за это придется доплатить".

"Ты действительно тупая шлюха, не так ли?" - прорычал мужчина и, перегнувшись через стол, схватил Кайли за щеку и засунул большой палец ей в рот. Она инстинктивно начала сосать его. "Мне нужно, чтобы мои яйца были опустошены, так что начнем прямо сейчас!"

"Ммм! Нннн... Комната... 6... открыта!" промурлыкала Кайли, и не успела она произнести и слова, как на ней появился отпечаток мужского кредитного чипа, и ее потащили за волосы по коридору, ее сексуальные ножки скользили тапкам по полу, пока он агрессивно тащил ее за собой. В комнате с кроватью, массажным столом и гидромассажной ванной с приятным полумраком ее бесцеремонно повалили на матрас.

"О, вы торопитесь, мистер...?"

"Рибонмейкер", - закончил за нее мужчина и потянулся двумя мощными руками вниз, чтобы задрать платье и обнажить груди, разорвав ткань. Ее большие, толстые молочные резервуары не просто вывалились наружу, а плюхнулись, подпрыгивая и покачиваясь, по обе стороны ее узкого торса, вытянувшись полукругом наружу дальше, чем грудная клетка. Кайли все больше возбуждалась и облизывала губы, когда мужчина прижал ее к себе и начал ощупывать и ласкать руками ее сиськи, втягивая в рот сначала один большой сосок для развратного сосания, а затем и второй.

"Оооо!" - стонала она. "Тебе нравятся мои сиськи, да? Но тебе лучше не увлекаться и не забывать про рот!" Она показала пальцем на свою нижнюю губу и облизала ее блестящий слой глянца.

"Ты хочешь пососать мой член, не так ли?" грубо прорычал Ленточник.

"Ммм, я обожаю сосать член! Это мое самое любимое занятие!" Кайли заверила его, ее глаза стали полуприкрытыми, а тон заговорщицким. "Надеюсь, ты не мыл свой член уже несколько недель. Я люблю, когда у парней вонючие, грязные члены и они просто засовывают их мне в глотку!"

Риббонмейкер начал возиться со своим ремнем. "Ты действительно гребаная шлюха, не так ли?"

"Ммм! Я буду такой, какой вы захотите, сэр", - ворковала Кайли. Когда она увидела форму, обтягивающую боксеры Риббонмейкера, и мокрое пятно, которое его вытекающая сперма оставила в промежности серой шерсти, глаза ее загорелись, и она глубоко вдохнула через нос. "Нннгх! Воняет!" - простонала она, облизывая губы. "Я надеюсь, что ты много припас для меня. Надеюсь, ты не мыл свой член несколько месяцев!"

"Держи, шлюха", - прошипел Риббонмейкер, позволяя своему твердому члену вырваться из стесняющих его пут и шлепнуться на его подтянутую, крепкую грудь. Он был толстым, почти десять дюймов в длину (25 сантиметров). Все это смазано потом, а в месте соприкосновения крайней плоти с головкой и членом виднелось колечко смегмы.

"Ооох!" ворковала Кайли, ее глаза загорелись еще больше.

"Он такой большой!" Она положила голую руку на смазанный ствол и начала поглаживать его вверх-вниз, не сводя глаз с этой встречи. "Ты хочешь использовать мою киску-рот или сиськи? За двойную плату ты можешь использовать и то, и другое!"

"Я буду делать то, что хочу, а о цене мы подумаем потом", - настаивал Риббонмейкер и, встав на матрас, схватил Кайли за ее яркие рыжие косички и поднял ее в сидячее положение. "Соси мои яйца, сучка - я знаю, что тебе это нравится!"

Любая женщина в Вашингтоне с ликованием сказала бы Риббонмейкеру, что он прав, ей это нравится. В конце концов, это закон - говорить мужчинам именно то, что они хотят услышать. Но Кайли, в отличие от большинства, очень, очень нравилось сосать большие яйца. Ей нравилось чувствовать, как эти яйца перекатываются на языке, ей нравился вкус пота, засохшей спермы и смазки, которыми она оскверняла свой рот, ей нравилось собирать в рот эту рыхлую кожу мошонки и просто сосать ее дочиستا! Кайли тут же зарылась лицом в набухшую, тяжелую мошонку Риббонмейкера и принялась нюхать и облизывать ее, купая свои щеки в его мускусе и развратно целуя его яйца, сжимая губы и посасывая сначала один большой яйцеобразный шар, потом другой, засовывая свой нос в расщелину между ними и принимаясь так, чтобы его мужской запах проникал в ее ноздри. Ее огромные груди свисали, как мясистые молочные баки, когда она сидела на матрасе на коленях, раздвинув бедра, и орально обслуживала своего клиента. Плата уже достигала ста долларов, из которых девяносто пять оставалось в заведении, а пять - на усмотрение Кайли, чтобы тратить их на разрешенные женщинам покупки, такие как косметика, предметы гигиены, просмотр санкционированных государством средств массовой информации, ориентированных на женщин.

Риббонмейкер хрюкнул, стиснул зубы и навалился вперед, рухнув на Кайли сверху, схватил одной рукой свой большой ореховый мешок, зажал ей рот и, собрав свои орехи, как

двухлопастную дубину, резко толкнул их в нижнюю часть ее носа. "Понюхай мои потные яйца, тупая сучка", - прорычал он, упираясь ей в грудь и не давая Кайли ни сантиметра вздохнуть. "Понюхай хорошенько!"

Кайли так и сделала, и ее глазные яблоки затрепетали от недостатка кислорода и вдыхаемого чистого, аэрозольного запаха пота и яиц. Воняло от них, как от дерьма, но ей все равно нравилось. Ее практически с рождения воспитывали как вместилище для мужчин, и такое обонятельное насилие возбуждало ее до предела. Она застонала, когда ее глаза начали закатываться и закрываться. Улыбка, которую Шеннон и Селии пришлось так старательно изображать, появилась без всяких усилий, когда большие шары Риббонмейкер полностью заполнили ее ноздри.

Прошло около 45 секунд, прежде чем он позволил ей дышать, и к этому времени Кайли уже хрипло дышала и видела звездочки. Она знала, что не имеет значения, пострадает ли она - ее работодатель застраховал ее благополучие, причем выгодоприобретателем был он, а не ее сестры или брат. Если бы она пострадала при исполнении служебных обязанностей, он получил бы солидную компенсацию. Ее возбуждало, что этот мужчина пришел с улицы, чтобы поиздеваться над ней - принимать таких клиентов было ее специальностью, и она часто уходила домой с синяками на сиськах и першением в горле от долгого и грубого орального секса.

"Очисти мой член своими огромными коровьими сиськами, дурочка, - прошипел Ленточник и отполз немного назад, так что его длинный член оказался между двумя ее плоскими грудями. "Обчисти меня этими гребаными дойками!"

Кайли с энтузиазмом принялась за дело, прижав свои огромные круглые сиськи по обе стороны от ствола Риббонмейкера и выгнув соски вверх и внутрь, чтобы прижать их, как подушечки, к месту соприкосновения его крайней плоти с головкой. Она впиалась сосками в его кожу и надавила вниз, в то время как он инстинктивно подался вверх, и трение сделало свое дело. С влажным, болотным звуком крайняя плоть отделилась, и перед ней предстало огромное количество желтоватого сыра на нижней стороне его головки. Глаза Кайли тут же расширились от голода, и она вдохнула чистую вонь, которую источала только что обнажившаяся грязь.

"Блядь, как воняет!" - застонала она, слегка закатив глаза. "Это так потрясающе!"

Риббонмейкер начал двигать бедрами, заставляя большие сиськи Кайли вибрировать и колыхаться, как желатиновые лепешки, когда он вводил свой член между ними. Она крепко обхватила его руками, образовав для него теплый, влажный канал, смазанный его потом, спермой и слюной. Звук его таза, ударяющегося о нижнюю часть ее груди, издавал мягкое "уп-уп-уп", когда он выходил из нее и входил снова и снова.

"Блядь!" - задыхался он. "Твоя сиськастая киска так хороша, что ты... заставляешь меня кончать слишком быстро, тупая шлюха!" Риббонмейкер задыхался.

"Я хочу тебя!" Кайли отчаянно стонала, наклоня шею вниз, чтобы целовать и облизывать грязную головку члена Риббонмейкера, вырывавшуюся из ее декольте на пике каждого толчка. Большая часть смазки вытекла между груди. "Пожалуйста, оплодотвори мою сисястую киску! Изнасилуй, блядь, мои огромные сиськи! Я хочу, чтобы мои сиськи были выебаны твоей вонючей спермой и твоим вонючим членосыром!" Она подбадривала его, наслаждаясь ощущением грубого использования и покалыванием в киске, животе и чувствительных грудях. Она знала, что он уже близок к этому, и как бы ни был приятен секс, результат - сперма -

всегда был для Кайли самой любимой частью. Она была абсолютно спермозависимой и считала, что ей повезло иметь постоянно возбужденного брата с коротким рефрактерным периодом, который был достаточно извращен, чтобы обильно поить ее густой спермой их стаканов, банок или прямо из источника.

"Ах ты, блядь... тупая пизда!" задыхался Риббонмейкер, и глаза его расширились, когда он вошел так глубоко, как только мог, в смазанный канал сисек Кайли. Она крепко сжала руки, подняв сиськи повыше, чтобы его член не вышел с другой стороны, и тут же изнутри раздался противный жидкий звук, когда его яйца сжались и начали дергаться: Сплюют, Сплррг. Спфпффт!

"О, блядь, я это чувствую! Ты наполняешь мою сисько-киску такой густой спермой!" Кайли застонала. Она изо всех сил терла бедра, едва не доходя до оргазма от одного только осквернения своих больших и чувствительных грудей. Темноволосый, подтянутый молодой человек навис над ней, как человек, вливающий кончу в киску, пот блестел в коротко подстриженной челке. Он не отходил от нее, вдавливаясь мускулистым тазом в нижнюю часть ее толстых выпуклых шаров, пока, наконец, не откинулся назад. Кайли тоже откинула руки назад, и ее груди упали по обе стороны от нее, открывая полный беспорядок внутри. Казалось, что на внутренней стороне ее грудей взорвалась бомба со спермой. Ее декольте было полностью покрыто огромными комками густой спермы, кусками смегмы и кудрявыми черными волосками, которые торчали на фоне беловато-желтой слизи, покрывавшей ее светлую кожу.

"Боже!" - стонала она. "Как будто ты пытался оплодотворить мои сиськи! Какая огромная порция... и теперь мои сиськи изнасилованы твоей вонючей спермой и сыром из члена!" Она взвизгнула и откинула голову на подушку. "Ммм... ты точно использовал меня как унитаз! Мне это нравится!"

"Я... еще не закончил", - пыхтел Ленточник, слегка отдуваясь. "Я хотел трахнуть твою глотку!"

Кайли мгновенно оживилась и посмотрела вниз через долину своих сисек на своего клиента. "Ооо! У вас большая выносливость, сэр!" - похвалила она. "Я люблю парней, которые могут трахать меня и заливать во все мои дырки много спермы!" Она облизала губы и провела пальцем по каше между сисек, собирая сперму и несколько капель смегмы, поднесла их ко рту и слизала с пальца. "Я особенно люблю пить сперму, так что, пожалуйста, давай мне ее побольше!" Она представляла себя не более чем холстом, готовым быть раскрашенным спермой, что вполне соответствовало господствующим государственным установкам, и ее клиент отреагировал так, как и ожидалось: он встал над ней и притянул ее голову к своему члену, прижав ее спиной к изголовью кровати.

Без всяких церемоний Риббонмейкер вонзил свою быстро твердеющую дубину в ее рот, неумолимо продвигаясь вперед, пока головка члена не уперлась в заднюю стенку ее горла и не приняла изгиб под углом вниз, чтобы начать проникать в пищевод. Две пышные рыжие копны волос Кайли служили идеальными ручками, и она грубо тянула голову и шею, как человек, пытающийся управлять внедорожником, совершенно не заботясь о своем самочувствии. Слюни стекали по подбородку, когда она стонала от вождения, и пузырящимися реками скатывались в и без того скользкий каньон между ее огромными сиськами.

"Нннн!" - прохрипел Риббонмейкер и задвигал бедрами, в результате чего затылок Кайли врезался в изголовье кровати с деревянным звуком "БОНК". Эти действия и звуки повторялись, сначала медленно, но затем набирая скорость и создавая барабанный ритм на фоне гнусного действа. Кайли очень хорошо умела делать глубокий отсос и не задыхалась, когда толстый,

настойчивый член выпячивал стройный изгиб ее шеи, а пара тяжелых, потных яиц шлепала ее по подбородку. Она потянулась, чтобы схватить мускулистые ягодичные мышцы своего поклонника, схватила их, притянула к себе, настаивая на большем - больше толчков, больше члена, больше безжалостной жестокости!

Бонк! Бонк, бонк, бонк, бонк, бонк, бонк, бонк, бонк. Звук становился все громче, и мужчина, казалось, все сильнее впивался в ее горло. Выражение его лица было диким и звериным - густые брови, жесткая линия челюсти, стиснутые зубы, раздувающиеся ноздри, ручейки пота, проступающие в складках бровей. С каждым вздохом он, казалось, называл Кайли то пиздой, то сукой, то шлюхой, говорил о том, что изнасилует ее горловую кисту, что испортит и уничтожит ее - термины, когда-то использовавшиеся для обозначения конфликтов и военных действий, а теперь перешедшие в язык сексуального завоевания по распоряжению OFC. Он говорил об использовании ее в качестве туалета, не в буквальном смысле (хотя такие действия, конечно, не запрещались), а просто как напоминание о том, что акт траха с ней не более значим, чем акт опорожнения мочевого пузыря или кишечника, изнасилование горла-кисты женщины приносит удовлетворение, как посещение столь необходимого туалета приносит облегчение, взаимодействие и относительная власть между полами, мужчина-женщина, ничем не отличается от отношений между мужчиной и мочеиспускателем.

Кайли все больше цепенела, она чувствовала, как мозги перекашиваются и грохочут в черепе, и ей это нравилось. Ее дни были наполнены таким количеством сексуальных контактов, что порой они становились обыденными, и лишь изредка появлялся мужчина с достаточным количеством сдерживаемой агрессии, чтобы устроить ей по-настоящему бесчеловечный трах в череп. Она была красивой молодой девушкой, а он насиловал ее лицом с достоинством человека, запикивающего остатки колбасы в мусоропровод. Бонк. Бонк. Бонк. Звуки были достаточно громкими и отдавались сильным эхом, чтобы быть услышанными в главном холле. Ее гортань щекотали постоянные движения его толстого, покрытого венами члена, ее горло терли и растягивали, и при этом ей ни на секунду не грозила рвота. Рвота во время орального секса не противоречила правилам - иногда это было непреодолимое физическое побуждение. Однако женщин, которых рвало слишком часто, иногда подозревали в том, что они недостаточно стараются отточить свое мастерство в оральном сексе, и это могло привести к штрафам, пеням или санкциям, если нарушений было достаточно.

У Кайли такой проблемы не было. Ее брат-извращенец трахал ее в череп буквально с того момента, как это стало законным. (Он завел часы, чтобы отметить точную секунду, и засунул свой толстый, невымытый, вонючий член ей в глотку в день ее рождения). У нее были большие фаллоимитаторы, которыми она протыкала горло до самого живота, и она ежедневно упражнялась с ними. Она спала с членом Лео во рту и ежедневно делала ему минет, пока он играл в видеоигры. Иногда он ложился на живот, играл в игры, а ее лицо оказывалось под его промежностью, и она часами впивалась горлом в его член, многократно эякулируя, не вынимая член из рта. Кайли это несколько не беспокоило, и ей было трудно понять проблемы своих старших сестер - Шеннон, которая была в сексе по большей части безнадежна, но все равно старалась изо всех сил, и Селии, которая была талантлива в этом, казалось, вопреки своим предпочтениям. Иногда создавалось впечатление, что Селия стесняется того, какой длинный член она может отсосать, и Кайли искренне не понимала, почему. Кайли гордилась каждым дюймом, который она могла проглотить.

"Нннгх! Блядь, тупой унитаз! Женщины - это куски мусора!" Риббонмейкер хрюкнул и, приближаясь к кульминации, начал хлопать себя по бедрам. Череп Кайли врезался в изголовье кровати с такой силой, что едва не раскалывал его. Ее руки безвольно упали на бока, и она на мгновение потеряла сознание, как от мгновенного нокаута, а затем пришла в себя, когда ее мозги все еще были раздроблены повторяющимися ударами по лицу. Глаза Кайли покраснели,

из них потекли слезы, но это было просто от недостатка кислорода и попавшей в горло и нос спермы и слизи... а не от какого-то душевного расстройства. Она жила для того, чтобы быть игрушкой для члена, и это, как она знала, было ее делом в жизни.

Хруст. Ее нос был сломан, когда Риббонмейкер на полной скорости врезался в него своим лобком, а голова с грохотом ударилась об изголовье кровати, не давая ей никуда деться. Это случилось с Кайли уже второй раз в жизни; первый раз - с ее братом, после того как она (намеренно) довела его до возбуждения. Вспыхнула боль, но Кайли по опыту знала, что лечение травм, связанных с сексом, оплачивается государством. Ее партнер дернул ее за волосы, пока ее двойные хвосты не оказались полностью натянутыми, наклонился к ее лицу и навалился на нее всем своим весом, убедившись, что он вошел в нее до упора и его толстый член находится более чем наполовину в ее животе. Он хрюкнул, как животное, и начал кончать в ее рот и горло.

Кайли почувствовала, как горячие, крупные брызги спермы хлынули в ее внутренности, и ощутила волну эйфории. Она действительно любила сперму, настолько, что большая доза могла вызвать прилив удовольствия и эндорфинов, а у мистера Рэббонмейкера, похоже, было немало спермы в яйцах. Она могла определить его количество выстрелов по ощущениям и по тому, как часто он сжимал ягодицы и с шипением выдыхал воздух сквозь стиснутые зубы. Пять. Шесть. Семь. Струя за струей густая, обильная сперма становилась ее пищей.

Когда он вытащил член, мостик из густых струек спермы соединил его с ее ртом. Лицо Кайли было слегка перекошено из-за кривого носа, но крови было совсем немного - лишь крошечная ниточка из одной ноздри. Она дышала ртом, выдувая языком пузырьки спермы, а ее глаза закатились назад, демонстрируя, насколько она уничтожена. "Ты... полностью изнасиловал мою... горловую кисту...", - похвалила она. "Спасибо тебе за то, что ты испортил мне лицо. Ты такой замечательный!" Она потирала свою стройную фигуру, показывая, что ей очень понравилась сперма внутри. Ее глаза уже начали приятно багроветь. Скорее всего, она выбыла из строя на несколько дней, в профессиональном плане, но Кайли знала, что может рассчитывать на своего брата-извращенца, который заставит ее сосать его немытый член и вытирать его смегму, независимо от того, сломан у нее нос или нет.

Раздался бумажный шелест, когда Риббонмейкер поднес свой кредитный чип и провел им по браслету Кайли. Это электронное устройство для перевода денег, конечно, не давало денег ей, а только заведению. "Позаботьтесь об этом", - приказал он. "Если это больше, пусть твой босс выставит мне счет". Он сел на матрас и стал надевать брюки и рубашку. Кайли опустилась на подушки, ее груди разлетелись в разные стороны. Она была в полном беспорядке, но каким-то образом ее бодрый сексуальный энтузиазм все еще светился. Сквозь затуманенные глаза она увидела, что Риббонмейкер, медленно одеваясь, смотрит новостную передачу, которая шла на настенном видеозэкране с выключенной громкостью.

" СВЯЗЬ МЕЖДУ НЕКОМПЛИЕНТНОСТЬЮ И ТЕРРОРИЗМОМ", - гласила надпись на экране, и серьезная женщина-диктор без умолку говорила. Через несколько секунд после этого дикторша повернулась к боковой камере и начала серьезно рассказывать о следующем сюжете. Ее слов опять не было слышно, но надпись изменилась на " В районе Вашингтона разыскивается неистовый NS". NS, конечно же, означало "не подчиняющийся". Рядом с головой диктора демонстрировались кадры из видеофильма - черно-белые зернистые кадры, на которых было видно, как женщину лапают, а затем в ответ она бьет мужчину по яйцам. Худая, с каштановыми волосами и большой грудью, она показалась Кайли очень знакомой. Увидев это, Риббонмейкер хмыкнул.

"Надеюсь, эту суку засудят", - хмыкнул он.

Кайли переползла на кровать и провела рукой между его ног. "Ммм, да", - ворковала она, ее голос был немного гнусавым из-за разбитого носа. "Из этих удивительных яиц вытекает вся эта густая сперма. Я бы никогда не стала пренебрегать мужскими яйцами".

Риббонмейкер с раздражением посмотрел вниз. "Блядь, я уже выебал все дерьмо из твоей горловой пизды, а ты все еще хочешь еще?" - изумился он. "Неужели тебе никогда не бывает достаточно?"

Кайли хихикнула и облизнула губы, а на экране телевизора появился мужчина, спустивший штаны, чтобы показать волосатые ноги, и начал драть прямо в лицо женщине-диктору. Когда он орошал ее лицо струей спермы, она даже не реагировала.

"Всем встать", - приказал судебный пристав. "Суд приступает к рассмотрению дела Алисии Ченс против Управления по соблюдению прав женщин".

Селия, одна из двенадцати женщин, стояла в ложе присяжных строго по стойке "смирно". Посадить мужчину в жюри, конечно, невозможно - все женщины будут вынуждены голосовать так же, как и он, поскольку его мнение по делу - это мужская истина, а значит, непререкаемая. Таким образом, Селия оказалась в окружении дюжины женщин из самых разных слоев общества, одетых в свои лучшие костюмы, не выходящие за рамки нескромности. Подолы были задраны, туфли на высоком каблуке, макияж был преувеличен, линии бюста увеличены и выставлены на всеобщее обозрение. Ведь это было дело OFC, и каждая женщина знала, что мужчины будут наблюдать за ними. На их лицах были одинаковые, неправдоподобно пластичные улыбки. Судебный пристав, тоже женщина в черной униформе с бейджем OFC, улыбалась так же. Всего в зале было около трех десятков женщин, среди присяжных и на балконе, и только трое мужчин - судья, адвокат обвинения и адвокат защиты.

За столом в десяти футах от возвышения судьи стояла Алисия Ченс, блондинка с пикси-стрижкой и спортивной фигурой, в наручниках, в комбинезоне тюремного оранжевого цвета. Даже тюремная униформа подчинялась стандартам скромности и состояла из шорт, открывающих ягодицы, и обтягивающих маек, и наклеенная зубастая улыбка Алисии, казалось, едва скрывала ее ужас. На самом деле, казалось, что она вот-вот расплачется. Селия могла ее понять. После инцидента, произошедшего накануне вечером, она постоянно была на взводе и готова была сорваться. Она знала, что если кто-нибудь узнает об этом, то она может оказаться в оранжевой тюремной форме, как Алисия Ченс, или даже хуже.

"Алисия Ченс, вы обвиняетесь в нарушении пункта 4 раздела 1 Устава о соответствии, согласно которому все мужчины имеют равное превосходство. Вы признаете свою вину?"

"Моя клиентка не признает себя виновной, Ваша честь", - сказал адвокат, светловолосый мужчина. "Мы утверждаем, что действия мисс Шанс представляют собой надлежащее соблюдение и уважение к представителям высшего пола в соответствии с Хартией".

В этот момент от имени OFC выступил прокурор. "Ваша честь, чтобы поскорее поставить точку в этом деле, у меня есть вещественные доказательства того, что именно делала эта коротко стриженная пизда", - сказал он. Получив кивок судьи, он направился к столу в центре зала и разложил на нем несколько плакатов в рамках. На каждом из них были изображены разные мускулистые, бугристые мужики, подтянутые и позирующие.

"Дамы присяжные, - сказал он, - OFC продемонстрирует, что Алисия Шанс не удовлетворяла требования мужчин, которые не соответствовали ее физическим стандартам. Эти плакаты были найдены в ее квартире, и они соответствуют профилю ее повседневной деятельности,

тщательно продуманной для того, чтобы она общалась только с мужчинами определенного типа".

Присяжные переглянулись между собой, и Селия сразу же увидела гневные взгляды. Выбирать мужчин, с которыми можно было бы вступить в отношения, было очень некрасиво, хотя Силия и могла отнестись к этому с пониманием. Дело в том, что каждую из женщин в жюри трахали и лапали десятки тучных, волосатых, вонючих, немых, старых мужчин, и у них не было выбора в этом вопросе.

В качестве свидетеля ОФС вызвал Берта Таллоу, очень крупного и потного мужчину, которому пришлось вытирать лоб, чтобы протиснуться на свидетельскую трибуну. Его борода была покрыта щетиной не менее пяти дней. Прокурор спросил его о том, при каких обстоятельствах он общался с этой светловолосой членососущей блядью.

"Когда я подошел к этой сучке, она сказала мне, что у нее в разгаре зарегистрированная менструация, а также заболевание третьей категории", - утверждал он.

Прокурор использовал эти показания, чтобы доказать факт мошенничества с менструацией со стороны Алисии Ченс, представив медицинские документы. Он стал предъявлять карты и записи. Он выдвинул версию, что Алисия испытывает фетиш к подтянутым, мускулистым мужчинам, ставя один тип мужчин выше другого по статусу. Это было строго запрещено, и он повторял фразу о том, что все мужчины в равной степени превосходят женщин. Силия наблюдала за всем этим с оцепенением, мысленно возвращаясь к тому дню, когда к ней приставал этот хамоватый грубиян. Он лапал ее за задницу и сиськи, называл ее дрянью и велел встать на колени, чтобы он мог трахнуть ее в рот. После того, как в тот день подобное уже произошло несколько раз, Селия просто сорвалась. Сначала она потеряла свое женское лицо, отчего мужчина стал еще настойчивее, и попытался шантажировать ее этим. Тогда она ударила его по яйцам.

Оторвавшись от своих мыслей, она увидела, что Берт Таллоу прерывает заседание. "Вы не возражаете, если я сделаю минет, пока нахожусь здесь, ваша честь?" - спросил он судью. Ходатайство, каким бы оно ни было, было удовлетворено, и грузный свидетель окинул развратным взглядом собравшихся женщин, уставившихся на него с натянутыми, лунатическими улыбками.

«Ни за что», подумала Селия. «Только не сегодня. Не может же мне так не везти.»

Но так оно и было. Таллоу указал прямо на нее. Силия, проклятая изящной фигурой подиумной модели и большими круглыми сиськами, привлекла его внимание больше, чем другие женщины. На мгновение она чуть не расплакалась от лицемерия - Алисию Ченс судили за то, что она предпочитала красивых мужчин, в то время как эта жирная жаба на свидетельском месте могла просто выбрать любую женщину, потому что у нее были самые большие сиськи в зале присяжных. Только с большим трудом ей удалось удержаться от того, чтобы не закатить глаза и не поморщиться.

"Присяжный займется свидетелем, а мы пока продолжим", - распорядилась судья. Судебный пристав вывел Селию из зала заседаний. Она посмотрела на Алисию, и ей показалось, что между ними промелькнуло какое-то узнавание - две волевые женщины, для которых подчинение было лишь мучением, - но потом оно исчезло за их шутовскими улыбками. Селия переступила порог свидетельской трибуны и устроилась между мясистыми ногами Таллоу. Он расстегнул брюки и начал потихоньку выбираться из них. В лицо Силии ударил запах потного члена.

"Я давно не кончал, так что у меня накопился очень большой запас", - хрипло признался он ей. "Да и помыться не успел". Когда натянутые трусы сползли вниз по бедрам, Силия столкнулась с тем, что он собирал, и чуть не вскрикнула. Он не был таким длинным, как член ее брата, но это был самый толстый и самый отвратительный член, который она когда-либо видела. Большие набухшие яйца, казавшиеся размером с кулак, вели к коническому стволу, который у основания казался толстым, как банка кофе. Он был просто огромен. "Хорошенько вымой мой член и напхни этой террористке, что такое законопослушание!"

Селия положила руки на его волосатые толстые бедра и приблизилась на расстояние отсоса. Она была на грани того, чтобы просто вырваться из женского обличья и ударить этого парня прямо по яйцам, но сдержалась из-за очевидных последствий - сделать это во время судебного разбирательства означало понести суровое наказание. От его члена так неприятно несло. От него воняло гнилой спермой и собачьим дерьмом. Вокруг его головки образовалось бугристое кольцо рассыпчатой смегмы, не уступающее даже брату... и, черт возьми, он был такой толстый, что можно было вывихнуть челюсть!

Таллоу запустил руку в ее волосы и стал тянуть ее голову вниз. Головка, налитая смегмой, размазывалась по ее губам, казалась размером с кулак, и наконец она широко раскрыла челюсть, ее светло-карие глаза бездушно смотрели вперед, полные страдания. Его толстый член со скрипом сухожилий и челюстных костей стал проникать в ее рот. Она тут же задышала и захлебнулась, подкрепляя доводы прокурора глотковыми захлебывающимися звуками, "хуркс", "хоркс", "глюууууууарк"!

"Я дам тебе съесть весь сыр из моего члена и отстоявшуюся желтоватую сперму", - признался Таллоу. "Ты должна чувствовать себя счастливой!" Он вздохнул и стал натягивать ее голову на свой член, вверх-вниз, вверх-вниз, разминая ее горло и растягивая губы своим членом. "Боже, какое у тебя узкое горло! В него тяжело проникать, но мне это даже нравится, понимаешь?"

Силия жалобно застонала, ее глаза затрепетали и закатились. Жирный подонок лишал ее воздуха, и те несколько вдохов, которые она могла сделать, были наполнены зловонием смегмы и спермы. Она чувствовала, как куски сыра на члене отламываются, смешиваются с ее слюной и проникают в горло. Из толстой дырки члена также непрерывно вытекала отвратительная сперма.

Прокурор предъявлял документы, доказывающие, что Алисия неправдиво рассказывала о своем менструальном цикле, чтобы избежать секса. Адвокат пытался выдать это за невинную ошибку. По его словам, правительственные ученые доказали, что женский мозг меньше мужского и хуже запоминает информацию. Алисия Ченс не виновата в том, что она тупая сука, и в тот день ее разум был еще больше затуманен гриппом.

Тем временем Селии казалось, что у нее сейчас сломается челюсть. На ней было тугое ожерелье из жемчуга, и оно затрещало и рассыпалось повсюду, когда огромный толстый член Таллоу еще глубже погрузился в ее горло, заставив ее шею выгнуться в форме головки его члена. Она уже проглотила, казалось, полный рот его пота, спермы и мочи, и теперь он медленно подрачивал свой член её лицом, заставляя ее пускать слюни на его яйца, и приближался к кульминации. "Надеюсь, тебе нравится, что твой желудок полон моей засохшей, вонючей спермой и сыром из члена, тупая пизда!" - шипел он, и судья стукнул молотком, призывая суд к порядку, и сказал Таллоу, что если он не сможет умолчать о своем сексуальном контакте в суде, то он удалит его.

Таллоу хрюкнул, извиняясь, и кончил в горло Силии.

Из кончика его члена вырвался толстый желтый червяк спермы, который показался ей толстым, как ириска, и свернулся в ее животе. Затем еще один, и еще. Силия чувствовала, как в ее тело сбрасывают самый мерзкий, генетически дефектный мусор на земле, и застонала от ужаса, хотя для тех, кому это было бы интересно, это было неотличимо от удовольствия. Таллоу держал в кулаке ее волосы, пока опустошал себя в Силию, которая упиралась носом в его толстый живот, нюхая его мокрый от пота лобок. Прежде чем потерять сознание от недостатка кислорода, Силия услышала, как прокурор попросил судью созвать присяжных для обсуждения представленных суду фактов. Если Алисия Ченс будет признана виновной, ее отправят на год в перевоспитательную колонию, где ее будут ежедневно десятки раз насиловать самые толстые и физически непривлекательные мужчины, а также подвергать наркотическому и психологическому воздействию, чтобы избавить ее от предпочтения к одному типу мужчин.

Голос Силии состоял в том, что она опустилась на пол. В итоге 11 голосов "за" и один "против". Опомнившись, она увидела, как Алисию Ченс уводят, ее рот выглядел как сливная канализация, губы были измазаны спермой и смегмой. Это было несправедливо. Все это было несправедливо. Она с трудом растянула рот в безумной, бездушной улыбке и задумалась, что же с ней будет дальше.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://erolate.com/book/4168/121756>